

150 ЛЕТ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

УДК 330.8

В. Т. Рязанов

РЕФОРМА 1861 ГОДА В РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

19 февраля (3 марта по н. ст.) 1861 г. император Александр II подписал Манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости¹, а также Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшее из 17 законодательных актов. Манифест был оглашен 5 марта в Успенском соборе Кремля и в Исаакиевском соборе в Санкт-Петербурге, а затем и в других городах. Этот день в православном календаре выделялся своей символикой. На него выпадало Прощеное воскресенье, когда православные просят друг у друга прощения перед вступлением в 40-дневный пост с тем, чтобы отрешиться от мирского и сосредоточиться на духовной жизни. По традиции царь в этот день испрашивает прощения у своих подданных, объезжая войска, посещая монастыри и церкви. И в 1861 г. Александр II в Петербурге после развода войска в Михайловском манеже в окружении офицеров произнес речь о Манифесте, вызвав, как писалось тогда, чрезвычайное впечатление у собравшихся. (В некоторых источниках даже пишется о том, что царь сам прочел собравшимся Манифест.) Когда коляска государя показалась потом на площади перед Зимним дворцом, многотысячная толпа народа приветствовала царя-освободителя.

Предпосылки и причины реформы

Следует отметить, что Крестьянская реформа в России фактически завершала общеевропейский цикл преобразований в аграрном секторе, снимая серьезные ограни-

¹Его точное название следующее: «О Всемиловнейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей».

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Экономического факультета СПбГУ. В 1972 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1987 г. — докторскую диссертацию. С 1968 г. работает в Университете, с 1972 — на Экономическом факультете. В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — зав. кафедрой. экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ. Научные интересы — теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Автор более 140 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Монография «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб., 1998) издана при финансовой поддержке РГНФ.

© В. Т. Рязанов, 2011

чения перехода к индустриально-капиталистическому хозяйству². Последней страной в Западной Европе, в которой прошла аграрная реформа, была Германия, где освобождение крестьян произошло в 1807–1809 гг. благодаря победе Наполеона в войне и в условиях французской оккупации. Первой же от крепостного права избавилась Англия в XVI в., и сделано это было наиболее радикальным образом в процессе огораживания, при котором одновременно крестьян «освободили от земли». Произошло то, что Т. Мором, автором «Утопии», было определено в виде формулы: «Овцы пожирают людей».

Вопрос о судьбе крепостного права в России возник в правящей среде почти за сто лет до самой Реформы, поскольку в нем видели реальную угрозу для существующего строя, прежде всего из-за его неприятия крестьянским сословием. С особым драматизмом это выразилось в целой череде крупных восстаний, среди которых самые известные — восстания 1606–1607 гг. (предводитель — И. И. Болотников); 1670–1671 гг. (С. Т. Разин); 1773–1775 гг. (Е. И. Пугачев).

Высшая власть страны не могла не осознавать, что крепостное право превратилось в «пороховой погреб под государством» (А. Х. Бенкердорф). Еще в 1766 г. императрица Екатерина II объявила конкурс в Вольном экономическом обществе (ВЭО) на тему о праве собственности земледельца, на который поступило 160 сочинений как отечественных, так и европейских авторов. При этом одним из пяти его победителей стал А. Я. Поленов с сочинением «Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России», в котором он подверг резкой критике сложившиеся в стране крепостнические порядки. (Характерно, что данное сочинение цензурой не было допущено к печати и впервые было напечатано в 1865 г. в журнале «Русский архив»³.)

О серьезности намерений царской власти с конца XVIII в. относительно освобождения крестьян свидетельствует множество фактов. Так, Павел I (в 1797 г.) ввел ограничение барщины тремя днями в неделю. Александр I, став императором, сразу же прекратил раздачу государственных крестьян в частную собственность. Этим было остановлено распространение крепостничества вширь (удельный вес крепостного населения в общей его численности с того времени стал устойчиво сокращаться — с 50% в начале XIX в. до менее 30% к моменту освобождения крестьян), а обществу был дан недвусмысленный сигнал о будущих планах. При Николае I была урегулирована и смягчена система наказаний, которую могли применять помещики к крестьянам.

Еще одним примечательным фактом является то, что в период царствования Александра I активно разрабатывались проекты земельной реформы (только в ВЭО поступило 25 записок по крестьянскому вопросу; см.: [2, с. 44]), а также в виде эксперимента был осуществлен ее вариант в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии (1816–1819 гг.) с освобождением крестьян без земли.

Приведенные примеры дают основания для вывода о том, что уже с конца XVIII в. высшая российская власть стала проводить, по существу, подготовку к отмене крепостного права. Вместе с тем неприятие крепостного права не разделялось в низовых властных структурах и особенно в помещичьей среде (как утверждал Л. Н. Толстой, даже накануне проведения Реформы в 1856 г. 9/10 помещиков были против отмены крепостного права⁴). В этой связи можно сослаться на такой интересный факт.

---

²К примеру, крепостное право в Румынии (Валахии и Молдавии) было отменено в 1864 г. В США рабство было окончательно устранено в 1865 г.

³О работе А. Поленова см.: [1, с. 15–16].

⁴Подтверждает наблюдение Л. Н. Толстого о негативном отношении помещиков к земельной реформе такой пример. Из 45,8 тыс. помещиков 13 центральных губерний только 12,6 тыс. (27,5%)

Когда проходил очередной конкурс по аграрной тематике в 1809 г., также проводимый ВЭО, то три награды были присуждены работам, в которых доказывалась экономическая выгода не просто крепостного хозяйства, а его самой классической формы — принудительной барщины. Соответственно в одном случае доказывались экономическая выгода и целесообразность проведения аграрной реформы, в другом — они опровергались.

Обострение кризиса крепостничества как института социального принуждения и бесправия крестьян усиливало необходимость проведения Реформы, отражая нарастание давления снизу. Особенно оно стало приобретать угрожающий характер после Отечественной войны 1812–1815 гг. С 1826 по 1861 г. в стране было зафиксировано 1186 выступлений крестьян [4, с. 46], но в последние годы этого периода ситуация приобрела по-настоящему острый характер, ее можно не без основания определить как предреволюционную. Если за 1856 г. произошло 66 крестьянских бунтов, то за 1859 г. — уже 797 [5, с. 385]. Имея в виду данное обстоятельство, легко понять смысл четко сформулированного предостережения Александра II, сделанного им на встрече с предводителями дворянства в Москве в 1856 г. после вступления на престол: «... Гораздо лучше, чтобы это (отмена крепостного права. — *В. Р.*) произошло свыше, нежели снизу» [3, с. 85].

То, что освобождение крестьян нужно проводить, признавалось во властных структурах и разделялось обществом⁵. Но во время обсуждения проекта Реформы и в последующий период оставался дискуссионным вопрос о причинах отмены крепостного права. И сегодня ответы на данный вопрос даются порой противоположные. В немалой степени этому способствует слабая доказательная база из-за ограниченности статистических обследований, проблем с точностью и охватом данных, что приводит к несовпадающим оценкам экономической ситуации в стране. Достаточно указать, что впервые в России учет посевных площадей под отдельными культурами с определением урожайности был проведен в 1881 г. До этого периода имеются губернаторские отчеты о состоянии сельского хозяйства, не отличающиеся большой точностью и трудно поддающиеся сопоставлению.

Дискуссионным остается вопрос о том, насколько кризис крепостничества как системы хозяйствования стал непосредственной, а для кого-то и главной причиной, побудившей власть сделать выбор в пользу отмены крепостного права.

При научном обосновании наступления экономического кризиса крепостнической системы в конце первой четверти XIX в., как правило, выдвигаются два главных аргумента. Во-первых, приводятся данные о растущей задолженности помещиков. Действительно, с 1823 до 1859 г. она возросла с 90 до 425 млн рублей, т.е. увеличение произошло почти в пятикратном размере. В залоге находилось 7,1 млн крепостных, или 66% от их общего числа (в 1823 г. — 2,2 млн человек, или 20%) [7, с. 220–221]⁶. Считается, что такой рост задолженности отражал снижение доходности от ведения помещичьего хозяйства и косвенно подтверждал падающую их эффективность.

Однако при объяснении роста задолженности помещиков следует учитывать и другое обстоятельство. Дело в том, что для помещиков при залоге имений был установлен льготно-низкий процент (4–5% годовых) с длительным сроком выплаты (до 37 лет).

в 1857–1858 гг. подписали согласие на «улучшение быта» своих крестьян. Так первоначально власть осторожно определяла курс на отмену крепостного права (см.: [3, с. 12]).

⁵В 1855–1857 гг. в правительство поступило 63 записки, посвященные земельному вопросу, и все они указывали на пороки крепостного права и предлагали разные варианты его отмены [6, с. 15].

⁶Уже в период после Реформы задолженность помещиков возросла к 1897 г. до 1359 млн руб. (т.е. более чем в 3 раза) [8, с. 49]. И это уже становилось существенным признаком наступления кризиса данной формы организации хозяйства в аграрном секторе экономики.

Это приводило к тому, что помещики брали ссуды под залог поместий и затем могли их использовать в целях получения дохода от перекредитования по рыночной ставке процента. К тому же, по некоторым оценкам, стоимость только недвижимого имущества помещиков в 1859 г. составляла 2,1 млрд рублей, что почти в 5 раз превышало сумму долга. Такое соотношение долга и собственности нельзя считать критическим. Поэтому рост задолженности следует трактовать не столько как признак снижения эффективности самой крепостной организации хозяйства, что с неизбежностью определило бы заинтересованность помещиков в отмене крепостного права, а этого как раз в значимых масштабах не наблюдалось, сколько как следствие роста избыточного и паразитического потребления дворянского сословия, непропорционального развитию сельского производства.

Что же касается предположения о падающей доходности самих помещичьих хозяйств, то оно также может быть оспорено⁷. Об этом свидетельствует увеличение с начала XIX в. и вплоть до Реформы числа барщинных крестьян. Если в начале века их было 56%, то к отмене крепостного права их доля возросла до 71,5%. Еще больший удельный вес барщины приходился на черноземные и степные губернии, которые выступали основными поставщиками товарного зерна. Если бы барщина как наиболее классический образец крепостного хозяйства не была выгодна помещикам, то они бы закономерно переводили крестьян на оброчные отношения с принесением дохода крестьянами от побочных форм деятельности. Тем более что за 1801–1860 гг. доходы от каждого оброчного крестьянина, по оценкам исследователей, возросли на 70–90%.

Во-вторых, экономический кризис крепостной системы хозяйства связывают с очевидными преимуществами экономических стимулов юридически свободных работников в сравнении с трудом принудительным и с ограниченными материальными стимулами. На примере хозяйственной деятельности отдельных поместий разными авторами приводились соответствующие расчеты. Так, по оценке Н. Г. Чернышевского, вольнонаемный работник производил в день в 3 раза больше, чем крепостной на барщине [10, с. 280]. По оценке экономиста-статистика К. И. Арсеньева, крепостной крестьянин производил продукции вдвое меньше, чем работник, освобожденный от уз принуждения [4, с. 76].

Однако с определением эффективности крепостного труда не все так просто. Имеются расчеты, согласно которым при сопоставлении хозяйственной деятельности помещичьих крестьян и менее закрепощенных казенных крестьян оказывалось, что последние производили сельскохозяйственной продукции в 1,5 раза меньше [11, с. 268].

Более существенное значение для оценки возможностей развития крепостного хозяйства имеет обращение к общим результатам развития сельского хозяйства в до-реформенный период. Они не подтверждают вывод о наступлении глубокого кризиса производства. В 1873 г. официальная комиссия, учрежденная для исследования производительности труда в сельском хозяйстве, опубликовала данные о сборе хлебов в европейской части России (без Польши и Финляндии). Эти данные показывают, что сбор зерновых с 1800 г. до начала проведения Крестьянской реформы имел тенденцию к постоянному повышению, хотя и с не очень высокими показателями (табл. 1).

---

⁷ Об экономической незаинтересованности помещиков в ведении хозяйства с использованием вольнонаемного труда еще ранее свидетельствовал фактически провал в реализации указа Александра I о свободных хлебопашцах (1803 г.), согласно которому помещикам разрешено было освобождать крестьян целыми общинами за выкуп с наделением их землей. За все время правления Александра I освобождено было 47 153 души мужского пола, т. е. менее 0,5% от общего количества крепостных [9, с. 73].

Тем не менее к началу Реформы сбор зерновых увеличился почти на 42%, что вряд ли свидетельствует о наступившем кризисе аграрного сектора экономики.

Таблица 1
Сбор хлебов в Европейской России
(без Польши и Финляндии),
млн четвертей (млн т)

Годы	Объем сбора хлебов, млн четвертей (млн т)	Процентное отношение сбора к 1800–1813 гг.
1800–1813	155,0 (20,15)	100,0
1834–1840	179,0 (23,27)	115,5
1840–1847	209,7 (27,3)	135,3
1857–1863	220,0 (28,6)	141,9

Примечания. 1. Одна четверть равна примерно 0,13 т. 2. При этом в «Докладе...» признавалась неточность в представленных данных, означающая уменьшение действительного сбора хлебов на 19%. Так, исходя из расчета потребления хлеба, ежегодное его производство в 1840-е годы составляло не 209,7, а 250 млн четвертей при урожае сам 4,16. Соответственно реальный урожай в 1871 г. увеличивался до 290 млн четвертей при урожае сам 4,2 [12, с. 9–10].

Источник: [12, с. 9].

Такой же вывод о развитии сельского хозяйства в дореформенный период можно сделать при его сопоставлении с послереформенным периодом (1861–1900 гг.) в табл. 2, из которой следует, что темп увеличения сбора зерновых и урожайности (за исключением картофеля) в первое десятилетие после Реформы примерно соответствовал дореформенному периоду (рост на 5,6 и 5,0% соответственно). И только через 20 лет после начала Реформы темпы развития российского сельского хозяйства ускорились. Иначе говоря, крепостная система хозяйства по своим основным параметрам была вполне сопоставима с новой организацией производства, во всяком случае в первое двадцатилетие ее функционирования.

Таблица 2
Среднегодовые показатели развития сельского хозяйства России
(1851–1900 гг.)

Показатели	Годы					
	1851–1860	1861–1870	1871–1880	1881–1890	1891–1900	1891–1900 к 1851–1860 (%)
Сбор зерновых (млн т)	26,8	28,3	31,8	37,2	43,9	163,8
Сбор картофеля (млн т)	2,6	3,3	5,3	6,5	12,6	484,6
Урожайность зерновых (ц/га)	4,0	4,2	4,5	5,1	5,9	147,5
Обеспеченность хлебом на душу населения (кг)	Ок. 336	Свыше 336	384	...	Ок. 450	134,0

Примечание. Показатель обеспеченности хлебом населения включает данные по сбору картофеля в принятом пересчете (1 т зерна = 3 т картофеля). В тот период норма потребления зерна для питания и фуража оценивалась в 305 кг на человека.

Источник: [13; 14, с. 300–301; 6, с. 254–255].

О том, что крепостная система хозяйства сохраняла определенный потенциал дальнейшего развития и не находилась в состоянии глубокого и перманентного экономи-

ческого кризиса, свидетельствуют данные о ее товарности и роли экспорта аграрной продукции. В 1801–1860 гг. в целом объем внешней торговли увеличился более чем в 3 раза. При этом среднегодовой вывоз хлеба возрос с 5 120 тыс. пудов (82 тыс. т) в 1806–1810 гг. до 69 254 тыс. пудов (1,11 млн т) в 1856–1860 гг., т. е. увеличение достигло 13,5 раза. Если на долю экспорта в начале XIX в. приходилось немногим более 1% урожая основных хлебов, то в 1850–1855 гг. она повысилась до 2,4%, а в 1856–1860 гг. — до 5% [4, с. 225–226]. В целом доля товарного хлеба, поставляемого на внутренний и внешний рынки, в дореформенный период сохранялась на уровне примерно 20%.

Для оценки возможностей крепостной системы немаловажным представляется и значительный экономический выигрыш, который получало государство благодаря снижению издержек по управлению. Ведь 103 тыс. помещиков с опорой на крестьянские общины управляли населением в 22 млн человек, не получая за это от государства вознаграждения, притом что на них фактически были возложены важнейшие управленческие функции, начиная от поддержания правопорядка и призыва в армию до сбора налогов.

Источники и факторы развития крепостной системы хозяйства

Приведенные выше примеры, подтверждающие сохранение потенциала развития крепостной системы хозяйства, требуют соответствующего объяснения. При этом подчеркнем, что речь идет не об апологии системы принудительного труда и отрицании необходимости отмены крепостного права. В данном случае важно более точно выявить факторы, объясняющие необходимость проведения Реформы. В связи с этим можно считать, что отмена крепостного права в 1861 г. по своей исходной природе и целям выступала не столько как экономическая, сколько как социальная реформа, необходимость которой подкреплялась опасностью отставания от ведущих государств, что нашло явное подтверждение в поражении в Крымской войне. Именно неприятие крепостничества как института социального принуждения и бесправия в соединении с внешними и внутренними угрозами для государства определяли главный мотив деятельности реформаторов. Заслуживает внимания и то, что активная разработка программы реформы проходила на фоне первого мирового экономического кризиса 1857–1858 гг., затронувшего и Россию.

Важно подчеркнуть, что отношение к крепостничеству как социальному злу является бесспорным не только в настоящее время, оно разделялось многими деятелями в высших эшелонах власти уже в XIX в. Даже такой «крепостник» (его нередко так характеризуют), как император Николай I, признавал, что крепостное право есть «зло», о чем он публично заявил на заседании Государственного совета 30 марта 1842 г. Он хорошо понимал потенциальную опасность этого «зла». Но если нынешнее положение таково, что крепостное право не может продолжаться, и если вместе с тем и решительные способы прекращения его также невозможны без общего потрясения, то, заявлял русский император, «необходимо, по крайней мере, приготовить путь для постепенного перехода к другому порядку вещей» [15, с. 12].

Так что с социально-моральным основанием отмены крепостного права все ясно. Ведь его недооценка ослабляет инстинкт самосохранения у власти. В дополнение к сказанному обратим внимание на мотивировку, которая представлена в Манифесте об отмене крепостного права. В нем приводились два основных аргумента. В самом его начале констатировалось, что сохранение крепостной зависимости не обеспечивает «равномерной деятельности в отношении к людям крепостным». Тем более что «при уменьшении непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам» открывался

«путь к произволу, отяготительному для крестьян и неблагоприятному для их благосостояния» [3, с. 211–212]. Фактически признавалось, что после освобождения дворянства от обязанности несения государственной службы (1762 г.), подтвержденного в 1785 г., крепостное право лишалось социально-нравственного основания и опоры в исторической традиции. Следует учитывать, что крепостное право в России выступало как вполне рациональный институт, встроенный в общественно-экономическую систему, которая в существующих условиях и ограничениях не могла нормально развиваться без направляющей роли государства. При этом система изначально базировалась на принципе симметричности обязательств: крестьяне обязаны были служить дворянам, поскольку те должны были служить государству. Отмена крепостного права означала признание властью справедливости восстановления для крестьян симметричности в правах и обязанностях.

Дополнительно необходимость отмены крепостного права в Манифесте раскрывалась как «завещание предшественников наших» с напоминанием о мерах, предложенных в этих целях Александром I и Николаем I [3, с. 212]. Это указывало на преемственность деятельности реформаторов в осуществлении курса на освобождение крестьян. В известном смысле такое напоминание было своеобразным укором помещику дворянству, не отреагировавшему должным образом на ранние реформаторские начинания. Оно также косвенным образом противоречило утверждению о том, что «дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных людей» [3, с. 212].

Выясним далее источники и факторы развития крепостной системы хозяйства. Заметим, что еще в дореволюционный период обращали внимание на сохраняющийся ее экономический потенциал. Такую позицию, в частности, обстоятельно аргументировал П. Б. Струве [16].

Во-первых, крепостное хозяйство к началу XIX в. окончательно превратилось из натурального в рыночно-крепостное, эффективность которого вообще была связана с преимуществами крупноорганизованного хозяйства, дававшими ему возможность значительно более широко применять технические средства и другие усовершенствования. К тому же низкие затраты на труд крепостных крестьян в сравнении с вольнонаемными работниками выступали дополнительным фактором, объяснявшим причины перевода крестьян с оброка на принудительную барщину или на использование смешанной системы. Особенно значима была роль этого фактора в условиях действия тенденции к понижению цен на зерно на российском и мировом рынках. Поэтому для помещиков крепостной труд, тем более барщина, оказывался экономически выгодным.

Отсюда вполне закономерны неудачи с попытками проведения освобождения крестьян в первой половине XIX в. Также понятно и то, почему столь маловыразительной была реакция помещиков на право освобождать крестьян целыми общинами с землей за выкуп, предоставленное им согласно указу о свободных хлебопашцах (1803), или без земли в соответствии с указом об обязанных крестьянах (1842)⁸. Недооценку роли экономического фактора либеральные реформаторы пытались компенсировать мерами воспитательного порядка. В. О. Ключевский по этому поводу писал: «Как сотрудники Александра I, так и люди 14 декабря, односторонне увлеченные идеей личной и об-

---

⁸ В 1818 г. известный русский государственный деятель и экономист адмирал Н. С. Мордвинов определял экономические предпосылки отмены крепостного права следующим образом: это возможно, «когда народонаселение его с пространством обладаемой нами земли сравняется, когда возможем мы приобрести денежные капиталы, достаточные для предварительного найма рабочих рук, и когда продажа урожая наших будет с избытком вознаграждать нас» [17, с. 102].

щественной свободы, совсем не понимали экономических отношений, которые служат почвой для политического порядка» [18, с. 430]⁹.

Во-вторых, крепостное хозяйство в виде барщины оказалось экономически более выгодным в сравнении с оброком и вольнонаемным трудом из-за того, что в практике хозяйствования оно смогло опереться на традиции общинности, преобладавшие в крестьянской среде. Сама организация барщинного труда с использованием рабочего скота и инвентаря крестьян предполагала кооперацию равносильных хозяйственных единиц и потому поддерживала общинную традицию нивелирования крестьянских хозяйств. Она позволяла также всем крестьянам выполнять все их повинности. И такое выравнивание имело ключевое значение для обеспечения выживаемости крестьянских общин в условиях экстремального развития — высокой погодозависимости, отвечая жизненному опыту и мировоззрению крестьян. Примем во внимание, что на каждое десятилетие в российском сельском хозяйстве приходилось несколько лет неурожая, многие из которых носили катастрофический характер. Именно поэтому более эффективный, казалось бы, для собственников земли оброк в России не прижился, так как усиливал дифференциацию крестьянских хозяйств, а потому встречал сопротивление в крестьянской среде. В этой связи можно отметить и еще одну причину неудачи с указом о свободных хлебопашцах: он предусматривал освобождение крестьян с землей, образовывавшей единый участок. В этом качестве его можно рассматривать как предвестник Столыпинской реформы с характерным для нее насаждением хуторского хозяйства. Однако данный указ противоречил опыту хозяйствования крестьян, которые через дробление единого земельного пая минимизировали риск экстремальных условий хозяйствования.

В-третьих, экономический потенциал развития крепостного хозяйства также опирался на имеющуюся эффективность принудительного труда с его неизбежной «подсистемой страха наказания». Безусловно, в долгосрочной перспективе такая система рано или поздно исчерпывает свои возможности и разрушается. Тем не менее в условиях ограниченных потребностей крестьянства и отсутствия у них значимой мотивации к непрерывно растущему производству принудительные меры к труду приносили свои результаты. Ведь у русских крестьян по объективным причинам сформировалась и воспроизводилась «этика выживания», а не «этика успеха», как это было в странах с протестантской культурой. Характерно, что даже применительно к началу XX в. А. В. Чаяновым была разработана теория особого типа крестьянского хозяйства, обладающего повышенной устойчивостью к кризисным процессам и основанного на том, что рост производства крестьянами осуществляется не в расчете на получение прибыли, а до тех пор, пока потребление уравнивается с ростом тягости труда.

Поэтому до тех пор, пока сохраняется ресурс в поддержании порядка и дисциплины, данная система может приносить приемлемые экономические результаты. Не случайно, как только эффективность принудительных мер и жесткого контроля со стороны помещиков ослабла с началом освободительной реформы, доля барщинных крестьян резко упала (до 15%).

К тому же сопоставление экономических и неэкономических методов не следует рассматривать в варианте однофакторной модели, в которой бесспорными предстают преимущества экономических стимулов к труду. Любая хозяйственная система в реальной жизни выступает как многофакторная. Поэтому ограниченные возможности самих принудительных методов могут компенсироваться действием других факторов,

---

⁹Такого же мнения придерживался П. Б. Струве, который считал, что критика крепостного права зиждилась на «естественно-правовом предрассудке либеральной политической экономии» [16, с. 111–112].

как в случае с крепостничеством, связанных с эффектом масштаба, опорой на традиционную мотивацию к труду, более низкими затратами на воспроизводство рабочей силы, отлаженностью и стройностью сложившейся системы организации производства и т. п.

Приведенные выше аргументы, не считая других, дают основание для заключения о том, что к 1861 г. рыночно-крепостное хозяйство находилось если и не в высшей точке своего развития, то, во всяком случае, не в состоянии перманентного кризиса. Характерно, что уровень жизни крепостных крестьян России в дореформенный период был не ниже, чем свободных крестьян в европейских государствах¹⁰.

Наконец, отметим и следующий факт. По-настоящему кризис наступает тогда, когда в недрах старого строя уже сформировался новый уклад, который отличается большей эффективностью и опирается на образовавшийся новый социальный слой (класс), вполне осознавший свои экономические интересы. Ничего похожего на такую ситуацию не было в России не только в середине XIX в., но и в начале XX в.

Обратим внимание и на действие такой исторической закономерности, как «вторичное закрепощение крестьян», которое наблюдалось в Восточной Европе в XVII–XVIII вв. как реакция на расширение спроса на продукцию сельского хозяйства в странах раннего капитализма в Западной Европе. Иначе говоря, крепостное хозяйство и в этом регионе имело определенный потенциал для развития производства.

Интересно, что спустя почти два столетия в трудах американских экономистов-институционалистов (Э. Фогель, Д. Норт и др.) доказывалось, что экономическая эффективность рабства в середине XIX в. в США была значительно выше, чем принято считать. Так, в соответствии с разработанной моделью, Р. Фогелем и С. Энгерманом были получены количественные оценки, которые позволили подтвердить расчетами вывод о более эффективном труде рабовладельческих ферм юга США в сравнении с северными нерабовладельческими фермами. Согласно этим расчетам, использование труда рабов южных штатов в 1860 г. было на 28% более производительным, чем работников на южных нерабовладельческих фермах, и на 40% более производительным, чем на северных нерабовладельческих фермах [20, с. 248]. Естественно, речь идет не об эффекте самого рабства, а о преимуществах крупного производства, организованного с сохранением традиционалистски-общинных отношений в трудовом процессе.

Следовательно, можно утверждать, что причины проведения реформ, направленных на смену старой хозяйственной системы, далеко не всегда связаны с глубоко экономическими обстоятельствами. Более значимыми могут оказаться социально-политические факторы и другие неэкономические основания, так же как и внутренние и внешние угрозы, сочетание объективных и субъективных факторов. Этим только подтверждается вывод о малообоснованности изучения экономической системы с позиции ее автономности и самодостаточности. Хозяйственные процессы существуют неразрывно с социально-политическими, правовыми, идеологическими и другими неэкономическими сферами.

Тем не менее, хотя крепостная система хозяйства в России и обладала к началу Реформы ресурсом использования в аграрном секторе, это не отменяет того факта, что она уже превратилась в тормоз для дальнейшего развития, особенно если иметь в виду растущий экономический динамизм в странах Европы и задержку в индустриализации. Показателен такой пример. Если в 1800 г. в России выплавка чугуна составляла 10,3 млн пудов, в Англии — 12 млн пудов, то к началу 1850-х годов в Англии она возрастает до 140 млн пудов, в России — до 15–16 млн пудов.

¹⁰Это признают не только отечественные, но и зарубежные экономисты-историки (см., напр.: [19, с. 173]).

Последствия и исторические уроки Реформы

В вопросах о Реформе 1861 г. возникло не меньше споров и по поводу оценки ее результатов и последствий для будущего развития страны. Большинство отечественных и зарубежных историков и экономистов предлагают преимущественно критическую оценку Крестьянской реформы и ее последствий для развития страны. Такой подход стал своего рода мейнстримом в исторической науке¹¹. Причем Реформу критиковали и критикуют «слева» и «справа». В одном случае речь идет о том, что Реформа была проведена не в интересах крестьян и привела фактически к их обнищанию, что в конечном счете заложило предпосылки к череде революций в начале XX в. Самыми значимыми в этом случае являются два факта: 1) потеря крестьянами земли, которую они традиционно обрабатывали в своих хозяйствах (так называемые «отрезки», которые составили в среднем по стране около 20%)¹², и 2) тяжелые выкупные платежи за землю, назначенные крестьянам¹³.

В другом случае либеральная критика Реформы была связана с тем, что крестьяне получили землю не в частную собственность, а в виде ее закрепления за общинами. Считается, что этим консервировался архаичный институт в селах, препятствующий развитию нормальных рыночно-капиталистических отношений.

Безусловно, Крестьянская реформа, как и любая другая, проводимая «сверху», не могла не быть компромиссной и половинчатой. В противном случае это была бы уже не реформа, а «революция сверху». (Так, одним из ее возможных вариантов мог стать план освобождения крестьян с безвозмездной передачей им, как и всем гражданам, половины помещичьей земли, который предлагался одним из руководителей Южного общества декабристов П. И. Пестелем. Другая половина земли предназначалась для частного землевладения.) Причем в тот период Реформа не могла не защищать прежде всего интересы правящего класса как опоры власти, но она немало дала и крестьянскому сословию — волю и землю, хотя и в урезанном варианте. Можно предположить, что Александр II опасался как стихийного народного выступления, так и возможности дворцового заговора. Судьба Реформы оказалась между двух огней. Одни считали ее чересчур радикальной, другие — половинчатой. Характерным представляется обсуждение программы Крестьянской реформы, которое происходило на завершающем этапе ее проведения в Государственном совете в феврале 1861 г. Фактически его консервативное большинство не поддержало представленный проект Реформы по принципиальному вопросу, касающемуся определения наделов земли для крестьян, всячески добиваясь существенного сокращения их размеров (итоги голосования были такие: «за уменьшение» — 27, «за сохранение установленных норм» — 16) [22, с. 64, 364–365]. Однако Алек-

¹¹Обстоятельный анализ дискуссий о реформах в дореволюционной России и их последствиях с обоснованием их положительной роли для благосостояния и развития страны см.: [20].

¹²По итогам реформы около 10 млн душ мужского пола бывших помещичьих крестьян получили 33,7 млн десятин земли, а у 100 тыс. помещиков оказалось 69 млн десятин. В среднем крестьянский надел составил 3,4 десятины на душу, в то время как для обеспечения нормального уровня жизни крестьянина при тогдашнем развитии агротехники требовалось, по оценкам, от 6 до 8 десятин в зависимости от района [3, с. 24].

¹³С 1862 по 1907 г. (до отмены выкупных платежей) помещичьи крестьяне выплатили государству, которое произвело первоначальный расчет с помещиками, 1540,6 млн рублей. Кроме того, они уплатили в виде оброка помещикам в период временнообязанного состояния 527 млн рублей. Еще казна получила 2,5 млрд рублей выкупных платежей с удельных и государственных крестьян [3, с. 26]. Так что государство немало выиграло в результате проведения земельной реформы. Ведь оно заплатило помещикам 550 млн рублей, получив затем от крестьян за этот платеж почти в 3 раза больше. Получается, что главный выигрыш от реформы достался государству, которое благодаря выкупным платежам смогло решить свои бюджетные проблемы.

сандр II, опираясь на свое право, одобрил мнение меньшинства и подписал документы 19 февраля в представленной редакции¹⁴.

В этом ключе весьма примечательными представляются приготовления, предпринятые в связи с утверждением документов и затем их обнародованием. Если накануне объявления Манифеста (5 марта) они были связаны с угрозой крестьянских волнений, то дополнительные меры по обеспечению безопасности Александра II после подписания документов, о содержании которых не могло еще знать крестьянское население, свидетельствуют об опасениях по поводу возможности заговора против него¹⁵. (Не стоит забывать, что прошло всего 60 лет с момента гибели в результате заговора императора Павла I — деда Александра II.)

Вернемся теперь к вопросу об обнищании крестьян, произошедшем в результате Реформы. Безусловно, на начальном этапе условия Реформы оказались чрезмерно тяжелыми для крестьянства. Теоретически они могли бы быть более выгодными для него, но этого не произошло. Не случайны потому и массовые выступления крестьян, особенно в 1861 г., которые затем постепенно затихли¹⁶. Возможно, этими обстоятельствами и объясняется застойный процесс в развитии всей российской экономики в 1861–1880 гг. Особенно он коснулся той части промышленности, которая базировалась на крепостном труде. Произошло резкое сокращение количества рабочих с 559,5 тыс. в 1861 г. до 387,1 тыс. человек в 1866 г., хотя стоимостной объем промышленной продукции за этот период возрос с 295,6 до 335,1 млн рублей [21, с. 16]. В целом же среднегодовой темп роста национального продукта в 1861–1880 гг. составил 1,8%. При этом заметим, что Россия и в 1871 г. сохраняла первое место в мире по абсолютной величине сбора зерновых и второе место по их производству на душу населения, хотя и уступала по урожайности всем ведущим державам (табл. 3).

Таблица 3

Сбор зерновых в ведущих странах мира в 1871 г.

Страны	Сбор зерновых, млн четвертей (млн т)	Сбор зерновых на душу населения (четверти)	Урожайность с 1 десятины (четверти)	
			Пшеница	Рожь
Россия	290,0 (37,7)	4,5	4,5	–
США	241,3 (31,3)	6,2	8,8	–
Франция	117,9 (15,3)	3,0	11,4	10,3
Пруссия	85,0 (11,0)	3,5	11,4	11,1
Великобритания	65,0 (8,4)	2,9	33,9	–
Австрия	41,3 (5,4)	1,15	9,5	9,7

Примечание. Россия и США — общая урожайность зерновых.

Источник: [21, с. 10].

Вместе с тем в последующий период темп роста экономики России значительно увеличивается. В 1883–1913 гг. он достигает 4,7% в среднем в год [23, с. 61]. Синхронно

¹⁴В этой связи приведем один принципиальный аргумент, высказанный Александром II на заседании Государственного совета. Он подчеркнул, что крепостное право «установлено самодержавною властью и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля» [3, с. 194].

¹⁵Подтверждением этого может служить такой факт. Как писал П. А. Валуев, видный царский сановник и впоследствии министр внутренних дел, в ночь с 19 на 20 февраля были предприняты особые меры предосторожности в войсках и полиции, во дворце находились готовые лошади для императора, а сам он, по словам придворной прислуги, ночевал не у себя, а в апартаментах своей сестры великой княгини Ольги Николаевны [22, с. 72–73].

¹⁶Так, за первые 5 месяцев 1861 г. произошло 1340 массовых крестьянских волнений, всего же за год — 1859 волнений; затем в 1862 г. — 844, в 1863 г. — 509 волнений.

с оживлением хозяйственной деятельности в стране улучшается экономическое положение крестьянства. Об этом свидетельствует рост цены на землю, которая к 1879 г. выросла до уровня еще более высокого, чем те оценки, на которых основывались завышенные (примерно на треть) выкупные платежи [24, с. 257–282]. Потребовалось менее двух десятилетий, чтобы понесенный крестьянами ущерб был фактически устранен. Еще одним подтверждением постепенного улучшения условий жизни крестьян явилось увеличение собственного потребления зерна в крестьянском хозяйстве, а оно составило 17% в период между 1885–1889 и 1897–1901 гг. [23, с. 36].

Далее перейдем к вопросу о закреплении земли за крестьянскими общинами. Даже если согласиться с тем, что такой мерой сдерживалось развитие сельского хозяйства, то следует учитывать одну важную норму, которая была предусмотрена в Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. В п. 35 этого документа было записано: «Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен в частную собственность участок, соразмерный с долей его участия в приобретении сей земли» [3, с. 218]. Фактически была установлена правовая норма, о которой чаще всего вспоминают, когда речь идет о Столыпинской реформе (1906–1914 гг.). Иначе говоря, данная Реформа по сути дела воспроизвела значительно более раннюю правовую норму, касающуюся утверждения института частной собственности. И только в 1893 г. был принят закон, запрещающий выход с землей из общины без согласия мира, что создавало серьезную преграду для развития частнособственнических отношений.

Тем не менее крестьянство в течение более чем 30 лет могло воспользоваться благоприятной возможностью для закрепления земли в частную собственность. Однако этого в массовом порядке оно не сделало. К 1873 г. всего около 1 млн крестьян закрепили свои земли в частной собственности [21, с. 47]. Именно общинное землеустройство соответствовало крестьянскому мировоззрению и отражало его социально-экономические интересы. В свою очередь, для реформаторов важно было не допустить пролетаризации крестьянства. Ю. Ф. Самарин, рассуждая о судьбе крестьянской общины, в то время писал: «Это, может быть, единственный вопрос, в котором интерес казны и помещиков совпадает с народным обычаем» (цит. по: [25, с. 121]).

Подведем общие итоги. При всех недостатках Реформы 1861 г., как представляется, в целом она была успешной, способствовала разрешению чрезвычайно острых социальных противоречий в стране и убрала преграды для индустриализации и ускорения экономического роста. Сложная проблема перераспределения прав собственности на землю осуществлялась без разрушительных потрясений (т. е. «без шока»). Более того, серьезное переустройство хозяйственной жизни не сопровождалось кризисным падением, сохранив экономический рост, а затем и ускорив его. Об успешности Реформы можно судить хотя бы по двум важнейшим для того периода достижениям: строительству железных дорог и развитию коммерческого кредита. Если в 1860 г. протяженность железных дорог составляла 1488 верст, то к 1881 г. она возросла до 21 155 верст, т. е. увеличилась более чем в 14 раз¹⁷. В свою очередь, объем коммерческого кредита возрос с 15 млн рублей в 1860 г. до 656 млн рублей в 1873 г., т. е. увеличился почти в 44 раза [27, с. 282].

Достоинством Реформы 1861 г. явилось то, что она не стала слепо копировать земельные реформы европейских государств, а пошла своим путем, основываясь на учете

¹⁷О важности железнодорожного строительства для индустриализации страны писал М. И. Туган-Барановский: «... в расширении нашей железнодорожной сети и заключается главнейшая причина развития нашей промышленности» [26, с. 365].

всего комплекса условий и ограничений, исторических традиций и особенностей менталитета русского крестьянского сословия¹⁸. Это означает, что не все реформы в России, как это иногда считается, были «западническими». Новаторский характер Реформы осознавали его разработчики. Александр II, выступая на заседании Государственного совета, особо отметил: «Мы желаем, давая личную свободу крестьянам и признавая землю собственностью помещиков, не сделать из крестьян людей бездомных и потому вредных как для помещиков, так и для государства. . . Мы хотели избежать того, что происходило за границей, где преобразование совершалось почти везде насильственным образом. . . » [3, с. 195].

Самый важный исторический урок Реформы 1861 г. заключается в том, что успех любой реформе приносит выбранный для ее проведения вариант, который не строится на простом воспроизведении чужого опыта, а основывается на тщательной проработке сложившихся условий хозяйствования в собственной стране, учете исторических традиций, поведенческих норм и т. п. (об особенностях реформирования в России см.: [29, с. 10–86]). Основательная подготовка Реформы, участие в разработке ее положений нескольких комиссий с разным составом участников, поэтапность внедрения новых форм хозяйствования — все это предопределило успешность ее проведения, что могло бы послужить примером для общественных преобразований.

Вполне удачной была и технология осуществления Реформы с использованием принципа добровольных сделок между помещиками и крестьянами на основе ведения переговоров и при государственном арбитраже, широкая дифференциация условий перераспределения земли с учетом местных особенностей.

К другому историческому уроку Крестьянской реформы следует отнести необходимость учета сложного процесса переадаптации хозяйственной системы. Дело в том, что новые формы хозяйствования далеко не во всех случаях сразу же становятся более эффективными, чем старые. Требуются время и настойчивость реформаторов и общества в обеспечении условий для придания ей необходимой системности и устойчивости, которые исключали бы возможные срывы и обострения противоречий. В этих целях особо ответственными становятся согласованная работа власти и общества, способность реформаторов реагировать на запросы разных слоев населения.

Важно отметить также развитие идеи и самого духа реформирования в последующих реформах, что обеспечило не затухание, а продолжение общего процесса преобразований в российском обществе. Были проведены не менее значимые для переустройства страны реформы, касающиеся судебной системы, развития местного самоуправления (земств), военной сферы и т. д. Все это придало системный характер реформационной деятельности.

Наконец, следующим ключевым уроком Реформы 1861 г. является способность власти своевременно корректировать курс экономического реформирования, продолжая преобразования в интересах последовательного снятия острых противоречий и решая новые возникающие задачи развития. И в этом можно обнаружить самое слабое звено Реформы. Ее главным недостатком стало то, что она не имела продолжения в соответствии с логикой хозяйственного развития России и необходимостью ослабления сохраняющихся социальных противоречий. На первом этапе она сняла остроту земельного вопроса, но не окончательно. По-видимому, в данном случае период между следующей фазой Реформы не должен был превышать 25–30 лет. И прежде всего власть игнорировала нарастающий антагонизм крестьянского и помещичьего укладов, недооценивала

¹⁸Русский вариант отмены крепостничества обосновывался Г. Х. Поповым, хотя он и оценивал его как самый медленный способ перехода к капиталистическому хозяйству [28, с. 70–75].

принципиальное неприятие крестьянством помещичьего сословия как ненужного и бесполезного для развития сельского хозяйства, что только усиливало отторжение самого института частной собственности на землю.

Осмысливая исторические события, произошедшие в России в последующий период, можно предположить наличие более оптимального пути решения аграрного вопроса, который, возможно, не привел бы к разрушительным последствиям. Речь идет о том, что, как бы это ни было болезненно для власти, требовалось выбрать курс на постепенное устранение помещичьего уклада¹⁹. И сделать это надо было через выкуп государством помещичьих земель, но с сохранением рыночно ориентированного сектора крупноорганизованных хозяйств через создание государственных аграрных предприятий или через передачу этих земель в аренду производителям, прежде всего крестьянским общинам, не исключая и другие возможности, избегая при этом малооправданного их дробления. Исторический опыт показал, что «черный передел» земли, а он как раз и произошел после 1917 г., являясь другим способом разрешения земельного вопроса, вместе с тем обернулся измельчением земельных участков и снижением их товарности. В полной мере в этом можно было убедиться, к примеру, по резким перепадам урожаев в «голодные годы» до революции или в случае с кризисом хлебозаготовок в СССР (1926–1927 гг.).

Однако власть оказалась неспособной развить заложенный в Реформе 1861 г. новаторский потенциал в продолжение аграрных преобразований в России. Она попыталась это сделать после революционных событий 1905 г. через возврат к западноевропейской модели рыночной модернизации сельского хозяйства, предложив крестьянам Столыпинскую реформу, нацеленную на разрушение общины и внедрение частной собственности на землю, а фактически на разрушение крестьянской модели хозяйствования и устранение самого крестьянского сословия. Но этим она только усилила нарастание антагонизма и сопротивление крестьян, которые дополнительно подогревались традиционным их отлучением от участия в разработке положений земельной реформы и опорой на административно-бюрократические методы. Так это было, кстати, и при разработке Реформы 1861 г. Власть продолжала надеяться на зыбкое и обманчивое равновесие в обществе, не заботясь даже об ослаблении выкупного и налогового пресса для крестьянства как основного производительного класса. Она и поплатилась за это вначале крестьянской революцией 1905 г., а затем и окончательным крахом в 1917 г.

Литература

1. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. М., 1952. Т. 2.
2. Штейн В. М. Очерки развития русской экономической мысли XX–XXI веков. Л., 1948.
3. Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994.
4. Хромов П. А. Очерки экономики докапиталистической России. М., 1988.
5. Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг. Сборник документов / под ред. С. Б. Окуня. М., 1961.
6. Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.
7. Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005.

¹⁹Отметим, что один из известных идеологов славянофильства А. С. Хомяков еще в конце 1830-х годов выдвигал проект Реформы, предусматривающий выкуп государством у помещиков всей земли с последующей ее передачей крестьянским общинам. В свою очередь, Н. Г. Чернышевский в период подготовки Реформы выступал за ликвидацию помещичьей собственности в пользу крестьян.

8. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. М., 1999.
9. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. М., 1989.
10. Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. М., 1948. Т. 2.
11. Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб., 2009.
12. Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. СПб., 1873.
13. Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века. М., 1974.
14. Растяжников В. Г., Дерюгина И. В. Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно-исторического исследования. М., 1999.
15. Тарле Е. В. Запад и Россия. Пг., 1918.
16. Струве П. Крепостное хозяйство: исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913.
17. Особое мнение адмирала Мордвинова. М., 2008.
18. Ключевский В. О. Русская история: полн. курс лекций: в 3 кн. М., 1993. Кн. 3.
19. Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993.
20. Институциональная экономика / под ред. А. Олейника. М., 2005.
21. Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010.
22. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1.
23. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003.
24. Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начало XX века. М., 1974.
25. Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. М., 1997.
26. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. 3-е изд. СПб., 1907.
27. Лященко П. И. История русского народного хозяйства. М.; Л., 1927.
28. Попов Г. Х. Отмена крепостного права в России // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М., 1989. Вып. 1.
29. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.

Статья поступила в редакцию 31 марта 2011 г.